

Самая долгая зима

Священник Андрей Мизюк — о временах страха

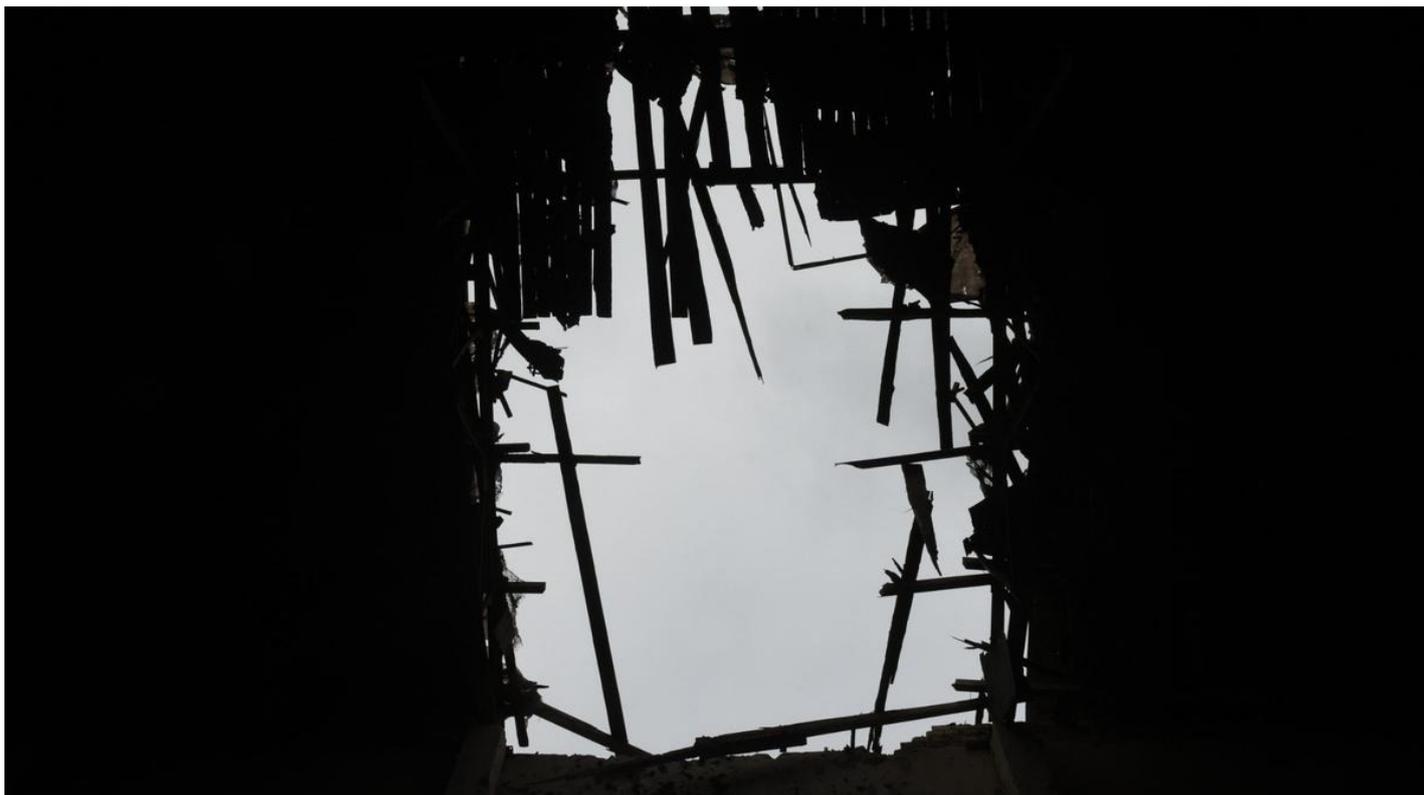

Фото: URA.RU / TASS

14:24, 28 февраля 2026,

Андрей Мизюк

священник

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Я очень хорошо помню и это утро, и все, что происходило потом. Я проснулся по обыкновению на службу, но проснулся резко, словно бы нечто выдернуло меня из сна. Это был звук. Звук ревущего неба. Такой я помнил только в начале 1995 года, когда был подростком. Шла война в Чечне, а из соседнего с Саратовом, где я жил, Энгельса, с аэродрома стартовали бомбардировщики и истребители, разрывая небо тяжелым гулом, который предвещал смерти и разрушения.

Тогда это не виделось так. А теперь...

Было потрясение и потерянности. До последнего верил, что сейчас что-то вырулится, и в последний момент каким-то образом восторжествует разум и здравый смысл. Но нет. В то февральское утро они умерли. Шок и боль в сетях на страницах друзей, гнев и ярость близких и друзей и такая же точно потерянности и неверие в произошедшее.

Нет, конечно же, все это, безусловно, висело в воздухе, накалялось, сжималось, готовилось. Но сердце и ум были до последнего в надежде.

В это утро отупение сковало ум, а сердце замерло и перешло в другой уже ритм, из которого больше никогда не вернулось.

Впереди были времена страха и бесконечной тревоги, а небо непрерывно гудело дни и недели. Вылеты не прекращались. И это были не тренировочные полеты.

Я помню, что за несколько дней до того я ехал за город на родник. Впереди, на выезде был небольшой железнодорожный мост. По нему в сторону юга шел состав, и на нем была военная

техника. Она была затянута брезентом, какими-то тканями, но все равно было видно, что это такое.

За день или два мы с моей знакомой из Киевской области, обсуждая атмосферу и наступающие страшные дни, все еще пытались смеяться, говорили, что сейчас пойдут огороды, посадки, никто не начнет *** в столь ответственный момент. Напрасно смеялись. Вопросы жизни и обыденности ушли в сторону. А утром 24 февраля в городах многих моих друзей раздались взрывы. А потом информация и ее поток шквалом и тяжелым грузом рухнули на сознание. Я уже и не помню, чтобы голова болела столько дней подряд.

Жизнь сломалась окончательно. Но понимание того, что это неизбежно, пришло еще раньше, в 2014 году, со словами моей уже старенькой бабушки, пережившей ребенком немецкую оккупацию. Бабушка жила в Луганской области, где когда-то родился и я.

Она в слезах повторяла: «Зачем, зачем?» Это звучало в разговоре с матерью, когда она звонила туда, и бабушка еще могла говорить. Шли тяжелые бои с применением артиллерии, продукты закончились, и в поселке по этой причине многие уже голодали. Минометные снаряды прилетали в огороды, были жертвы. Бабушка вскоре окончательно потеряет рассудок и умрет. А мой живой еще на тот момент дед вынужден будет ходить за пенсией через блокпосты. И вот тогда мне стало очень многое понятно. И стало ясно, что это всего лишь только начало.

Но знаете, все равно не верилось. Не верилось, что спустя восемь лет начнется самая долгая, тяжелая зима. Которой будет плевать на смену сезонов и температурных значений. Февраль 22-го пришел и больше уже никуда не уходил. И сейчас не видно ему ни конца, ни края.

В феврале 2022 года началась моя другая жизнь. В ней закончилось все привычное. В ней не осталось дома. Не осталось дела моей жизни, хотя оно и уехало со мной и, в некотором смысле и в другом уже ракурсе, продолжилось в другой стране.

Я не мог оставаться. Мне не грозили ни мобилизации, ни призыв, ничего особенно не угрожало. Кроме удушья. От неправды и невозможности об этой неправде говорить. И пришло это не со стороны госорганов.

Моя церковь освятила и благословила, поддержала насилие, включив в свои проповеди жужжащие фразы про особый исторический путь, духовную миссию, благодатное время. Поэтому пришло время мне выйти из этой среды. И может быть, время встретиться действительно с Церковью. А не иллюзией о ней. И не с привычкой.

Я не знаю, когда это все закончится, но прошу Бога о том, чтобы прежде жизни он не отнял у меня разум, если это еще надолго.

Но опять и вновь вспомню и повторю восклицание Бунина в его «Окаянных днях»: «Боже мой, в какой век повелел Ты родиться мне!»

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Пятый февраль

Заметки из личного дневника

12:10, 24 февраля 2026, Елена Панфилова

Социальная катаракта

Пошел пятый год горячей фазы самоутверждения
бывшей империи

10:10, 24 февраля 2026, Андрей Колесников*